

Юлия ПЕТЛИНА (г.Москва) ТЮРЬМА

Я – депутат, избранник народа. Сажу у себя в общественной приёмной, скучаю. Работы никакой нет. Так.... Письменные жалобы... Поручил разобраться помощникам. И всё!.. Скука! И за что я бешеные деньги получаю? Не знаю.

...Метко прихлопнул неизвестно откуда залетевшую муху, чтобы не мешала «трудиться». Мешать, конечно же, вообще нечему. «Ногти, – думаю, – что ли почистить?» Достал ножнички, чищу... Подошёл к окну... вид на Кремль давно уже приелся....

Вдруг стук в дверь нарушает сонную тишину. Прямо даже вздрагиваю как-то. Заглядывает встревоженная секретарша: «К вам человек!» – испуганно произносит она.

Откашлялся. Поправил галстук, пиджак, волосы, сел, запрятал ножницы в стол. «Ну, зови что ли... Может что интересное этот самый человек нам сообщит... Развеет, что называется, скуку». Сослаться на занятость можно, разумеется, всегда. Но сегодня почему-то не хочется.

На удивление в дверь тяжёлыми шагами... вошла женщина. По внешнему виду не очень заботящаяся о том, как бы получше себя преподнести: коротко стрижена, грубо одета, без шарма. Но!.. с большим умным лбом, за которым у неё, как видно, что-то там такое зародилось, какая-то, наверняка, дурацкая идея. С ней она и пришла за помощью в реализации своих планов – совсем-то безыдейные дома сидят. Ко мне, человеку столь высокого ранга, только со сложными в решении вопросами, как бы...

– Слушаю вас, – сказал я вежливо, усадив её на стульчик, сам же развалился в кожаном, со спинкой выше головы, кресле. Я всё-таки своего рода – Бог. Выслушаю-то с доброй улыбочкой всех, но не каждому под заявлением напишу: «Разрешаю». Иногда – промурыжу, иногда – отфутболю. Этой... – точно откажу. Она не в моём и, скорее всего, – ни в чьём вкусе. Послушаю уж – с чем пришла, тем более что всё равно заняться-то нечем.

– Я – Клячкина Любовь Ивановна, – начала просительница, сократив вступительную часть до возможного минимума, – решила открыть тюрьму нового типа!

– Ого!!! – вырвалось у меня. Предполагал, что идея будет не как у всех, но не до такой же степени?!

– Не волнуйтесь, – продолжила она, – средств у меня достаточно! Я была дважды награждена за вклад в науку в области микробиологии. Несколько раз получала

крупные международные премии за научные открытия. Деловые качества у меня отличные, поставленной цели всегда добиваюсь! Так что лично от вас потребуется только всего лишь... подпись. – Она улыбнулась, на минуту похорошев, и снова подурнев от серьёзного вида, продолжила:

– У меня есть чётко разработанный план. Для этой цели я намерена купить большой участок земли где-нибудь на живописном берегу Москвы-реки!

– Огогошеньки! – ошалело произнёс я.

Она же, не давая мне выйти из состояния ошалелости, начала разворачивать рисунки, чертежи; раскинула эскизы крепостных стен, башенок, ажурных решёток: цветные планы интерьеров внутренних помещений.

Третий раз «Ого!» я сказал уже проглотив слюнной комок, вдруг образовавшийся в горле. Представшее передо мной неопикуемой красоты здание тюремного замка, отражающегося в реке, было с шикарными камерами, внутренними двориками для променажа отбывающих заключение; с фруктовым садом, теннисным кортом, беговой дорожкой, парником, бассейном, библиотекой, игровым клубом, сауной.... Одно слово – рай на земле!

– Хочу туда! – вырвалось у меня самопроизвольно.

– А-а-а-а!? – сказала она с продолжительной улыбкой. И ею полностью расположила меня к себе.

Как выяснилось: дама умна, энергична, и при этом – богата. Всю жизнь посвятила науке, благодаря чему возымела к себе симпатию крупного учёного из Америки, вышла за него

замуж. Преспокойно жила бы там... Но душой болеет за Родину. Обладает, страшно сказать, миллиардами долларов! И ей их просто некуда деть. То есть, кинуть «на ветер» всегда можно, но дамочке хотелось бы потратить их только на очень-очень доброе дело.

Я ей ещё намекнул вскользь: «Может помочь сиротам?» И сам засмутился от такого стандартного предложения.

– Это-то само собой, – небрежно отмахнулась Клячкина. – Мне, понимаете ли, хочется выбрать задачу посложнее! – стала говорить она, уперев взгляд в воображаемое будущее своего проекта. – Тянет, знаете ли, заняться перевоспитанием озверелых бандитов, в которых не осталось ничего человеческого – воров, убийц, насильников... в хороших людей путём создания тюрьмы нового образца. От этого будет гора-а-а-аздо большая польза обществу! Гора-а-а-аздо! Потом... когда моему примеру, а я в это верю, последуют и другие богатые люди, болеющие душой за своё отечество, наша страна станет первой в мире страной, не содержащей преступных элементов! Правда, здорово? Разрушить старые тюрьмы – построить новые с диаметрально противоположным укладом! В этом я вижу свою главную цель!

– Да, как же вы до такого... додумались-то? – осторожно спросил я.

– Конечно! Не спорю! Я – первопроходец! Это абсолютно неизведанное для всех поле деятельности. Просто какой-то щелчок внутри заставил меня прийти к такому решению при просмотре передачи, где показывались жуткие тюремные условия и отношения. Уж такое безобразие творится! Такое безобразие!!! ...И мне, знаете ли, захотелось существующее положение вещей исправить. До этого мозги метались, ища применения внутренним силам, организаторским способностям и деньгам, которые за пять жизней не потратить. Всё как будто ждало именно своей сферы применения. И вот наконец-то!!! Моя тюрьма будет не похожа на другие тюрьмы! Нет! В ней не будет зла, насилия, жестокости! Всё, абсолютно всё будет по-другому! Лучше! Интереснее! Качественнее! Ведь для чего нужна тюрьма? А?..

– А?.. – зачем-то вырвалось у меня.

– Она нужна не только для наказания, но и для пе-ре-вос-пи-та-ния! Пусть Бог наказывает, а мы с вами будем пе-ре-вос-пи-тывать!

У себя дома Клячкина, всесторонне одарённая женщина, вспомнив о наличии ещё откуда-то и архитектурного образования, быстро разработала план тюрьмы-«конфетки!» Сначала изобразила вид сверху. Предполагались кроме главного корпуса и гостевые домики, и внутренние дворики для ежедневных прогулок на свежем воздухе. На прибрежных тюремных лугах будут пастись тюремные стада козочек, овецек и коровок: «Бе-е!.. Ме-е!.. Му-у!» Красота... Клячкина не поленилась изобразить на своём виде сверху и живность.

Главное здание... должно быть не простой конфигурации.

– А решётки?... Они нужны будут больше для того, чтобы не забрался кто-то посторонний.

Она увлечённо рисовала эскизы художественной ковки. Оформление камер? Двухэтажные нары – зачем? Каждому арестанту – просторная тахта. Скамьи и столы с ножками в виде женских фигур с растекающимися волосами, чтобы в мягкой форме вселить в быт заключённых нежность и надежду.

У каждой постели – компьютер. На стенах – картины мастеров живописи. Всё для развития умственных и интеллектуальных способностей оступившегося человека.

Для сидящих за поножовщину найдётся работа по разделке мяса. Для маньяков – умиротворяющая работа на грядках: пусть выращивают морковки забавных форм. Разработаем компьютерные игры, ненавязчиво удаляющие негативное мышление раз и навсегда, например: «Укради неизвестно чем наполненную сумку»; «Ударь по голове улитку»; «Получше прицелься, чтобы попасть в слона» и так далее.... Моя тюрьма будет хорошей! Отъявленные бандиты и уголовники расслабятся, пересмотрят взгляды на

жизнь, вкусив прелести бытия, и выйдут на свободу обновлёнными, любящими человека и природу, спешащими делать добро всем без исключения людям.

– ... Мы дадим заключённым образование. И, если на то пошло, – учёные степени за труды и открытия, ведущие к прогрессу. Времени у многих будет достаточно. ...Каждый выходной – вечера с приглашением известных артистов. Выходить из такой тюрьмы не захочется! На судах будут простаки орать: «Посадите меня! Посадите в тюрьму нового типа!»

– Причём и правонарушитель, и адвокаты, и судьи... – без тени юмора вставил я.

– Если же кто-то явится исключением, не захочет исправляться – гнать таких из тюрьмы будем! «Воля» станет пугающим словом, связанным с постоянным преодолением жизненных трудностей не готового к этому человека.

Говорила она много и интересно. При этом, поддавшись собственному воображению, ходила по кабинету и нескладно размахивала руками, как подпрыгивающая ворона крыльями, но моя симпатия к ней достигла уже такого уровня, что внешность и жесты перестали иметь значение.

Слушая Клячкину я был, скорее всего, похож на дурака, потому что, когда она закончила, мне пришлось подтянуть нижнюю челюсть к верхней и промочить пересохшее горло «Бон-Аквой». Красочно описанная идея меня просто «убила наповал». Поэтому без колебаний крупными буквами я написал под заявлением: «Разрешаю!» и от души расписался. А когда она, прощаясь, уходила, не выдержал, встал и поцеловал её грубую руку.

«Вот это женщина! – подумал, уже оставшись один, – редкий экземпляр!»

Я осмотрел свой огромный кабинет с дорогой мебелью. После всего воспроизведённого в рисунках и речах посетительницы он показался мне убогим и жалким. Сев в своё кресло, я закрыл глаза. Перед моим внутренним взором предстала тюрьма нового типа. Словно бы ощущая себя в ней, я блаженно улыбался.

Любовь Ивановна Клячкина, конечно же, добилась воплощения своей мечты в жизнь. Необыкновенной красоты главное здание и весь тюремный комплекс были построены. Всё до мельчайших подробностей отвечало замыслам автора. Это было уникальное сооружение, гармонично вписавшееся в ландшафт местности: на живописном берегу Москвы-реки, за стеной, украшенной стрельчатыми узорами с зубчатым завершением, сказочно-красивое обтекаемой формы главное здание с башнями, канелюрами, колоннами, капителями, спорящее по красоте и убранству со многими шедеврами мировой архитектуры. Внутри всё, что нужно для благоденствия души. Уже посаженный маленький пока ещё садик; баня, бассейн, спортивные площадки, удовлетворяющие самому строгому вкусу; читальный зал с уникальными изданиями книг; гостевые помещения.

На открытии автор всего этого – Любовь Ивановна Клячкина – не скрывала своего удовлетворения от ею же созданного. Настроение у неё было радостно-приподнятым, щеки покрывал нежный волнительный румянец. Сбылась её самая главная мечта! Самая главная!!! Было приглашено много гостей: представителей районной, городской и общероссийской власти. Выслушав кучу пламенных речей и разрезав красную ленточку, гости обходили с бокалами шампанского помещения, прогуливались по обозначенной территории. Отовсюду восхищённо доносилось: «Ох!.. Ах!.. Ох!.. Ах!» Лишь поздно вечером процедура открытия была закончена.

Утром следующего дня на стене у ворот комплекса неожиданно появилась по-хитренькому кем-то заранее заготовленная золотая табличка: «Профилакторий работников правящего аппарата».

Клячкина Любовь Ивановна была возмущена до предела! Куда она только об этом вопиющем нарушении не писала!.. Но все силы были истрачены на создание тюремного комплекса, для последующей борьбы за справедливость их уже не осталось. Никакая комиссия факта, что «архитектурный комплекс используется не по назначению» признать не могла.

Сильно обиженная Клячкина уехала к мужу в Америку. А преступность в России выросла после её отъезда до беспредельных высот. В старых тюремных камерах, предназначенных для трёх человек, сидят по тридцать. Такая тюрьма, разумеется, не пе-ре-вос-пи-тывает, а только укрепляет злость в осужденных. После выхода из неё их тянет на ещё большие злодеяния, подпитываемые местью за потерянные время и здоровье, поломанные судьбы. Жизнь в России катится по наклонной....

Клячкина Любовь Ивановна от горьких разочарований на чужбине тяжело заболела и умерла.

Лет десять спустя на одном из заседаний Государственной думы, когда обсуждать было совсем нечего, о Клячкиной как-то невзначай вспомнили, заговорили, высоко оценили её активную деятельность на благо отечества... В итоге после длительных переговоров с американцами, которые никогда ничего не отдают бесплатно, потратив кучу государственных средств, привезли самолётом и перезахоронили останки Клячкиной на родине на маленьком кладбище в любимшемся ей месте Москвы-реки недалеко от профилактория для работников высшего аппарата власти. Поставили дорогой памятник, выполненный скульптором с нерусской фамилией и, перейдя на новые темы для обсуждений, думовцы забыли о Любви Ивановне Клячкиной уже навсегда.

Цветы на её могилу несут только учёные, занимающиеся микробиологией. А преступные элементы постоянно оскверняют надгробный монумент.

